

§ 2 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

Юрковский А.В., Кузьмин И.А.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Аннотация: Предметом исследования являются особенности развития, организации и функционирования системы конституционно правовой охраны в Южной Корее с учетом исторических закономерностей и современной политико-правовой ситуации в государстве. Изучены наиболее важные аспекты официальной конституционно-правовой доктрины Республики Корея. Затронуты особенности правовой политики противодействия преступности в Южной Корее. Эффективность конституционно-правовой охраны оценивается с позиции развития правового регулирования и деятельности наиболее важных субъектов конституционного контроля (Президента, Конституционного Суда и других). Для получения достоверных результатов исследования помимо общенаучных и специальных авторы также использовали ряд специфических юридических методов (формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой), что позволило раскрыть конституционно-правовую природу и содержание конституционно-правовой охраны в Республике Корея. Новизна исследования заключается в предметной характеристике одного из элементов Южнокорейского конституционализма – конституционно-правовой охраны. Сделаны выводы о высоком уровне государственно-правового развития Республики Корея и ее специфичности, о классическом подходе к формулированию структуры и содержания Конституции, а также об объектно-субъектной характеристике конституционно-правовой охраны.

Ключевые слова: Южная Корея, конституционно-правовая охрана, президент, Конституционный Суд, правовая политика, противодействие преступности, субъекты охраны, объекты охраны, Конституция Южной Кореи, преступления.

Abstract: The subject of this research is the peculiarities of development, organization, and functioning of the constitutional legal protection system in South Korea, considering the historical trends and modern political legal situation in the country. The author examines the most important aspects of the official constitutional law doctrine of the Republic of Korea, as well as discusses the specificities of legal policy for crime prevention in South Korea. The efficiency of the constitutional legal protection is assessed from the perspective of development of the legal regulation alongside the work of the essential constituents of the constitutional control (President, Constitutional Court, and others). The scientific novelty of this work consists in the substantive characteristic of one of the elements of South Korean constitutionalism – the constitutional legal protection. A conclusion is made about the high level of state legal development of the Republic of Korea and its specificity, as well as classic approach towards formulation of the structure and content of the Constitution and objective-subjective characteristic of the constitutional legal protection.

Keywords: Crime prevention, legal policy, Constitutional Court, President, constitutional legal protection, South Korea, subjects of protection, objects of protection, Constitution of South Korea, crimes.

Настоящая статья посвящена наиболее общим особенностям конституционно-правовой охраны одного из государств Северо-Восточной Азии – Республике Корея (Южной Корее).

Будучи расположенной в южной части корейского полуострова современная Республика Корея, исторически и политически обособилась от своего ближайшего соседа – Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), избрав принципиально иной вектор своего развития, порождающий между этнически родственными народами постоянные противоречия и конфликты. Обозначенный водораздел проявляется

во многих сферах общественной жизни, включая и правовую, в связи с чем отличия конституционно-правовой охраны в Республике Корея от аналогичной системы в КНДР весьма существенны.

Тесное сотрудничество Республики Корея с Соединенными Штатами Америки (США) укрепило многих исследователей в мысли о прозападной ориентации государства и законодательном установлении демократических начал, институтов признания и охраны основных прав и свобод человека и гражданина [1]. Причем в самой Республике Корея демократизационные процессы зачастую оцениваются позитив-

но. Так, заведующим кафедрой политических наук и международных отношений Университета Инха (Республика Корея) Чон Ён Цоём отмечается, что привнесение западной демократии следует расценивать как толчок для интенсивного развития южнокорейского общества в экономической (функционирование крупного бизнеса, в числе которых «Samsung» и «Hyundai») и культурной сфере (так называемая «корейская волна»), способствующий становлению гражданского общества. Однако глубокая конфронтация между авторитарными лидерами конкурирующих партий, а также эгоцентристские поведенческие модели политической элиты, по мнению Чон Ён Цоя [2], не дают поводов говорить о «компромиссном» способе участия субъектов политики в государственном управлении. Л. А. Андропова полагает, что либерализация политического режима в Южной Корее привела к неизбежному (для политических элит) решению 1987 г. о необходимости заключения взаимного соглашения и кооперации [3].

Но, какие бы условно-оценочные дискурсы мы не затрагивали, Южная Корея на сегодняшний день является высокоразвитым государством (так, в мировом рейтинге инновационного развития [4], а также в рейтинге развития электронного Правительства [5] ООН Южная Корея последние пять лет занимает лидирующие позиции). Многими исследователями отмечается ориентация страны на модернизацию государственного управления, построение информационного общества [6, с. 99-100] и высокотехнологичного, наукоемкого производства [7, 8], которое играет значимую роль в геополитике и обладает собственной исключительной правовой идентичностью.

В одной из своих публикаций Ван Юнай (доктор права из университета Хитотсубаши, Токио, Япония) охарактеризовал Южную Корею как смешанное общество с сегментами культуры и власти, где социальная культура и государственная власть сосуществуют параллельно, а власть находится в зависимом от них положении. При этом для южнокорейской культуры свойственен принцип «корейской легитимности», подразумевающий, что все индивиды в корейском обществе являются братьями, но их обязанности и ответственность отличаются в зависимости от занимаемого положения [9, с. 149].

Очевидно, что специфика социально-правовой системы неизбежно проецируется на отдельные правовые образования, прежде всего, конституционно-правового характера, среди которых особое место принадлежит конституционно-правовой охране.

Конституционно-правовая охрана обеспечивает стабильность правовой системы и защищенность

правореализационных процессов в любых государствах. Нормы конституционного права, выступая в качестве первоначала охранительного правового регулирования, конкретизируются (уточняются, детализируются и развиваются [10, с. 46]) в охранительных нормах иных отраслей права (как в материальных: уголовное, административное, гражданское право и др., так и в процессуальных: уголовный процесс, административный процесс, гражданский процесс и др.). При этом главная цель охранительных конституционно-правовых установлений заключается в обеспечении конституционализма, понимаемого через призму конституционного правопорядка.

Для обеспечения единства изложения авторы предлагают следующее определение конституционно-правовой охраны – это комплекс (система) официально установленных правотворческими субъектами мер, обеспечивающих незыблемость конституционного строя, которые могут быть применены в случае отклонения от основных позитивно-правовых предписаний, составляющих основы государственного строительства. Из данного определения следует, что конституционно-правовую охрану мы рассматриваем в наиболее широком смысле – в качестве центрального звена правоохранительной системы государства.

Конституция Республики Корея была принята 17.07.1948 г. и действует в редакции от 29.10.1987 г. (далее – Конституция). В целях применения наиболее аутентичного перевода авторы использовали текст данного акта на русском языке, размещенный на официальном сайте Министерства внутренних дел и законодательства Республики Корея [11].

Преамбула основного закона содержит декларативные указания на поддержание демократических идеалов против восстания 19.04.1960 г., установление справедливости, филантропизма и братской любви, усиление свободного и демократического порядка, а также искоренение всех социальных пороков и несправедливых порядков.

С точки зрения юридической техники, авторы Конституции Республики Корея в контексте терминологического обеспечения правовой политики на конституционном уровне стараются избегать понятий «противодействие», «борьба» и «профилактика». Терминологический поиск категории «профилактика» приводит к отрицательному результату. Термины «противодействие» и «борьба» в тексте конституции Республики Корея не встречаются ни разу.

Тем не менее, рассматриваемый дискурс обнаруживает свое присутствие в термине «охрана», который в конституции Республики Корея встречается шесть раз. Данная категория фигурирует в п. 2 ст.

22 Конституции, согласно которой авторские права, права изобретателей, ученых, инженеров и артистов охраняются законом; в п. 4 ст. 32, где речь идет об особом порядке охраны труда работающих женщин, которые должны быть защищены от несправедливой дискриминации в сфере трудоустройства, оплаты и условий труда; п. 5 ст. 32 Конституции предполагает особую охрану труда работающих детей; п. 3 ст. 36 Конституции направлен на государственную охрану здоровья всех граждан; в п. 2 ст. 66 Конституции установлено, что Президент обязан охранять независимость, территориальную целостность государства и Конституцию; в п. 2 ст. 120 Конституции регламентируется, что земля и природные ресурсы охраняются государством, и государство утверждает необходимые планы для их сбалансированной разработки и использования. Продолжая размышления мы отмечаем, что даже общий контент-анализ текста Конституции дает возможность выявить объекты конституционно-правовой охраны:

- 1) поддержание мира – охрана от войны (ч. 1 ст. 5);
- 2) национальная безопасность (ч. 2 ст. 5), общественное спокойствие и порядок, общественные моральные устои (ст. 109);
- 3) государственные земли (ч. 2 ст. 5, ч. 2 ст. 120) и природные богатства (ч. 2 ст. 120);
- 4) народ (ч. 1 ст. 7);
- 5) политические партии (ч. 3 ст. 8);
- 6) демократический порядок (ч. 3 ст. 8);
- 7) культурное развитие (наследие) (ст. 9);
- 8) фундаментальные и неприкосновенные права каждого человека (ст. 10), включающие целый ряд частных прав человека и гражданина (свободы, частной жизни и личной неприкосновенности, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий, справедливого разбирательства и др. – гл. 2);
- 9) интересы фермеров и рыбаков (ч. 3 ст. 123), потребителей (ст. 124);
- 10) частные предприятия (охраняются от национализации и передачи во владение местных правительств);
- 11) члены Национального Собрания во время проведения сессий (ст. 44 ч. 1);
- 12) Конституция и другие законы (ст. 65 ч. 1);
- 13) судьи (ст. 106, ч. 3 ст. 112);
- 14) члены избирательных комитетов (ч. 5 ст. 114);
- 15) экономика государства (предупреждение доминирования рынка, неправомерное использование экономического влияния) (ч. 2 ст. 119).

Исследование представленного перечня объектов конституционно-правовой охраны позволяет сделать вывод о высоком уровне формализации основных де-

мократических ценностей в тексте Конституции, при учете национальных особенностей и традиций корейской государственности. По мнению Е. В. Аристова развитие конституционной охраны социальных интересов непосредственно подчинено концепции государства благосостояния в Республике Корея [12, с. 38-41]. Принципиально важным моментом также является конституционное установление, согласно которому ограничение свобод и прав граждан допускается исключительно в целях безопасности, соблюдения закона, порядка или общественного благосостояния и лишь при условии, что ни один аспект основных свобод и прав человека не будет нарушен (ч. 2 ст. 37 Конституции). Сказанное означает, что конституционно-правовая охрана в Республике Корея исходит из необходимости обеспечения баланса публичных и частных интересов [13, с. 98-99].

Система субъектов конституционно-правовой охраны в Республике Корея включает в себя множество государственных и негосударственных органов и организаций, основное место среди которых принадлежит Конституционному Суду Республики Корея.

Высший орган конституционного контроля – Конституционный Суд Республики Корея (модель которого была во многом заимствована из континентального права [14, с. 28-29], далее – Конституционный Суд) формируется и функционирует на основании положений главы VI Конституции, а также закона «О Конституционном Суде» (обнародован 05 августа 1988 г.). Тем не менее, принято считать, что орган конституционного контроля в Республике Корея был учрежден в 1948 г., то есть задолго до появления большинства европейских и ранее всех азиатских Конституционных Судов. На протяжении всего периода существования статус, полномочия и наименование данного органа неоднократно изменялись.

Характеризуя значение Конституционного Суда Республики Корея, один из его членов – судья-исследователь Ким Бок Джи отмечает следующее: «... Конституция, которая закрепляет основы системы ценностей и правопорядка, определяет структуру государственной власти и ее принципы и гарантирует права каждого человека, является наивысшим законом Кореи... ни одной из ветвей власти не позволено нарушать Конституцию. На практике конституционность действий всех органов власти, включая законодательную, может быть оспорена. Таким образом, система конституционного правосудия предохраняет конституционный порядок, основывая свои решения на конституционных принципах в случае наличия конституционного конфликта» [15, с. 11-12]. Как заявил Председатель Конституционного Суда

Республики Корея Ли Кан-Кук (01.11.2011 г. в ходе визита официальной делегации Конституционного Суда Республики Корея в Санкт-Петербург) по данным корейских социологов возглавляемый им орган «лидирует среди других государственных институтов по степени одобрения своей деятельности... за 20 лет количество жалоб, принимаемых к рассмотрению Конституционным Судом Кореи, увеличилось в пять раз» [16].

В компетенцию Конституционного Суда входит принятие решений по следующим вопросам: неконституционность законов, объявление импичмента, роспуск политической партии, споры по вопросам юрисдикции между государственными органами и организациями, принятие и рассмотрение петиций, касающихся Конституции. Существенной особенностью конституционного судопроизводства в Корее является возможность опротестования гражданами решений судов общей юрисдикции в Конституционном Суде по поводу нарушения своих основных прав [17, с. 120-121, 123-124] (ст. 68-1 Закона «О Конституционном Суде» [18]). Названное полномочие не имеет аналогов в практике других государств и фактически «открывает» еще одну инстанцию для обжалования решений общих судов.

Правоприменительная практика наглядно подтверждает активное участие Конституционного Суда в глобальных правовых процессах. Так, в 2004 г. Национальная Ассамблея (Парламент Республики Корея) проголосовала за резолюцию об отстранении главы государства (на тот момент – Но Му Хена) от должности в связи с его некомпетентностью и коррупционными скандалами его помощников [19]. Конституционный Суд, с учетом высокого уровня легитимности Но Му Хена, по результатам голосования не поддержал вынесенную Национальной Ассамблеей резолюцию об импичменте [20]. В конце 2014 г. Конституционный Суд впервые реализовал свое исключительное полномочие о роспуске и запрещении деятельности Объединенной прогрессивной партии [21, с. 149] в связи с поддержкой партией северокорейского политического строя (лидер партии Ли Сок Ки был задержан по обвинению в антигосударственной деятельности) и нарушением принципов демократии. Будучи правовым, Конституционный Суд в своей правозащитной деятельности также руководствуется нормами общественной морали. Например, в одном из судебных дел по иску гражданина об отмене запрета на интимные услуги, Конституционный Суд принял отрицательное решение, в связи с тем что (как пояснил судья Ким Чанг Йонг) «растущая тенденция к либерализации не может стать оправданием коммер-

циализации секса» [22]. Определенную специфику конституционного судопроизводства предопределяет материально-правовая ориентация правосудия, предполагающая, что результат правосудия важнее процесса и он должен быть справедливым [23, с. 28-29].

Одна из ведущих ролей в системе конституционно-правовой охраны принадлежит Президенту Республики Корея (далее – Президент), который, в силу ст. 66 Конституции «несет ответственность и исполняет обязанности по сохранению независимости, территориальной целостности и преемственности Государства и Конституции», а также «...обязан содействовать достижению мирного объединения своего государства». Для выполнения своих охранительных функций Президент признается главой исполнительной власти, возглавляет вооруженные силы, а в условиях чрезвычайных ситуаций также наделяется правом принятия указов, имеющих силу закона (ст.ст. 66, 74, 76 Конституции). Кроме того, Президент уполномочен назначать всех членов главного органа администрирования министерства внутренних дел – Полицейского комитета [24]. По мнению И. А. Толстокулакова, начиная с 1988 г., деятельность ряда Президентов Кореи была направлена на обеспечение стабильности в Республике. Вместе с тем, исследователь полагает, что «сильный» Президент – это пройденный исторический этап Кореи и концентрация основной государственной власти в его руках может взволновать нацию и ослабить демократизацию общества [25, с. 175]. Иная точка зрения по вопросу основана на том, что сильный Президент способен сосредоточить в своих руках значительную власть лишь при наличии поддержки большинства членов Национального Собрания, силовое воздействие на которых Президент оказать не может. Влияние на высшие органы государственной власти разнообразных общественно-политических сил (предпринимателей, фермеров, профсоюзов и т.д.) также предопределяет ориентацию политического курса каждого из соответствующих органов и, соответственно, взаимодействие между ними [26, с. 293-294].

Для наглядной характеристики инструментария конституционно-правовой охраны, обратимся к опыту конституционного построения национальной политики противодействия преступности в Республике Корея. Это направление политики, по мнению авторов, следует рассматривать как неотъемлемую часть национальной правовой политики противодействия преступности.

В Конституции Республики Корея термин «преступление» встречается 12 раз. Трижды термин обозначает свое присутствие в п. 3 ст. 12 Конституции: «В

случае ареста, задержания, конфискации или обыска должен быть предъявлен ордер, выданный судьей по требованию прокурора. Однако если лицо, подозреваемое в совершении преступления, было задержано на месте преступления или если существует угроза того, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое установлено наказание в виде лишения свободы сроком на три и более года, может скрыться или уничтожить улики, следственные органы могут потребовать выдачи ордера «ex post facto».

В соответствии с п. 1 ст. 13 Конституции устанавливается, что гражданин не может быть осужден за деяние, которое не являлось на момент его совершения преступлением в соответствии с действующим законом, а также не может быть привлечен к ответственности дважды за одно и то же правонарушение.

Особым видом преступлений, упоминаемых в Конституции южнокорейского государства, являются так называемые военные преступления. Так, в п. 2 ст. 27 Конституции Республики Корея граждане, не находящиеся на действительной военной службе, или вольнонаемные не могут быть судимы военным судом на территории Республики Корея, за исключением предусмотренных законом преступлений, связанных с важной секретной военной информацией, сведениями о часовых, сторожевых постах, о поставках опасных продуктов питания и напитков, о военнопленных, о военном оснащении и оборудовании, или в случае объявления чрезвычайного военного положения.

Особенности национальной политики противодействия преступности находят свое выражение в основополагающих нормах, предусмотренных для последующего формирования отраслевого регулирования в уголовно-процессуальной сфере. Так, согласно п. 5 ст. 27 Конституции, жертва преступления имеет право делать заявления в ходе судебного процесса по данному делу в соответствии с законом. Кроме того, ст. 28 Конституции устанавливает, что в случае, если подозреваемый в совершении преступления или обвиняемый был задержан, но потом обвинение с него было снято или он был оправдан судом, такое лицо имеет право требовать от государства справедливую компенсацию в соответствии с законом.

Правовая политика противодействия преступности не обходит стороной институт правовых иммунитетов. Так, в п. 1 ст. 44 Конституции устанавливается, что во время сессии Национального собрания член Национального собрания не может быть арестован или задержан без согласия Национального собрания, за исключением случая задержания на месте преступления. В свою очередь, в п. 2 ст. 44 Конституции закреплено, что в случае ареста или

задержания члена Национального собрания непосредственно перед открытием сессии он должен быть освобожден на время сессии по требованию Национального собрания, за исключением случая задержания на месте преступления.

Показательно, что в международном рейтинге стран мира по умышленным убийствам (по состоянию на 2013 г.) Южная Корея занимает 22-е место с показателем 0,9 убийства в год на 100 000 населения (для примера – США занимают 108 позицию в рейтинге с показателем в 4,7, а Россия – 154 позицию с показателем в 9,2) [27].

Представляет значительный интерес опыт борьбы с коррупцией в Республике, накопление и применение которого на протяжении значительного времени демонстрирует свою эффективность [28, с. 124-134] (согласно актуальному рейтингу восприятия коррупции позиции Южной Кореи на этом направлении усиливаются, страна занимает 37 место в рейтинге, тогда как Россия только 119 [29]). Самостоятельным направлением конституционно-правовой охраны в Южной Корее следует считать организацию сил специального назначения по борьбе с различными (в том числе международными) угрозами конституционализму [30, с. 51-55].

Подведем краткие выводы по итогам проведенного исследования:

1) Южная Корея является прогрессивным и высокоразвитым государством со своей исключительной национальной идентичностью и правовыми традициями;

2) Конституция Республики Корея по своему содержанию и структуре имеет много общего с основными законами западных государств, является демократически-ориентированной и устанавливает разветвленную систему конституционно-правовой охраны;

3) Объектами конституционно-правовой охраны в Республике Корея признаются высшие нормативно-правовые акты и правовые ценности (Конституция и другие законы, демократический порядок), законные интересы социальных общностей и отдельных лиц (члены парламента и избирательных комитетов, народ, политические партии, судьи, частные предприятия, фермеры, рыболовы и иные индивиды), экономические ценности (экономика государства, государственные земли), а также массовые социально-значимые процессы и их результаты (охрана от войны, обеспечение национальной безопасности, культурное развитие).

4) Основными субъектами конституционно-правовой охраны и конституционного контроля в

Южной Кореи являются высшие органы государственной власти, прежде всего, Национальная Ассамблея, Президент и Конституционный Суд, уполномоченные применять различные меры и использовать специальные средства обеспечения конституционной законности (в том числе исключительные).

5) Национальная политика противодействия преступности и антикоррупционные меха-

низмы в Южной Кореи как основной элемент реализации конституционно-правовой охраны демонстрирует свою эффективность и состоятельность, а накопленный в этой области опыт позволяет государству поддерживать высокие уровни конституционной законности даже в условиях международной нестабильности и глобальных угроз [31, 32].

Библиография:

1. Болдырев В.Е. Политика США по распространению демократии: пример Южной Кореи / В.Е. Болдырев // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 73–79.
2. Чон Ё.Ц. Особенности политических партий Южной Кореи и их участие в государственном управлении / Ё.Ц. Чон // Политическая наука. 2015. № 1. С. 73–78.
3. Андропова Л.А. Либерализация политического режима в Южной Кореи: «Соглашение элит» / Л.А. Андропова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2008. № 1. С. 5–8.
4. Южная Корея заняла первое место в мировом рейтинге инновационности // Интернет-портал Окно в Корею. URL: <http://k-window.com/world/yuzhnaya-koreya-zanyala-pervoe-mesto-v-mirovom-rejtinge-innovatsionnosti/> (дата обращения: 16.09.2016 г.).
5. Рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства // Гуманитарные технологии: интернет-издание информационно-аналитического центра «Центр гуманитарных технологий». URL: <http://gtmarket.ru/ratings/e-government-survey/info> (дата обращения: 16.09.2016 г.).
6. Койбаев Б.Г. Правовые аспекты информатизации в Республике Корея / Б.Г. Койбаев, З.Т. Золоева // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 1. С. 96–100.
7. Савичев Д.С. Оживление экономики Республики Корея, как результат нового курса развития страны / Д.С. Савичев // Инновации и инвестиции 2013. № 6. С. 114–116.
8. Денисов В.И. Южнокорейская политика в области науки и техники. Некоторые аспекты научно-технического сотрудничества России и Республики Корея / В.И. Денисов // Вестник МГИМО Университета. 2010. Вып. 4. С. 24–25.
9. Нагорная И.И. Ван Юнай. Смертная казнь и общество в Восточной Азии – как понимать и сравнивать смертную казнь в Китае, Японии и Южной Кореи. Wang Y. The death penalty and society in East Asia – how to understand and compare the death penalty in China, Japan and South Korea / И.И. Нагорная // Hitotsubashi J. Of law and politics. – Tokyo, 2012. vol. 40, febr. P. 1–14 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2013. № 1. С. 147–151.
10. Гаврилова Ю.А. Конкретизация правовых норм и толкование права по объему / Ю.А. Гаврилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2007. № 9. С. 40–48.
11. Official Site of Ministry of Government Legislation of Korea. URL: <http://world.moleg.go.kr> (дата обращения: 16.09.2016 г.).
12. Аристов Е.В. Государство благосостояния в Южной Кореи / Е.В. Аристов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2. С. 38–42.
13. Шишкина О.Е. Принцип пропорциональности ограничения прав и свобод в конституциях и практике конституционного правосудия России и Республики Корея (на примере постановлений об избирательных правах граждан) / О.Е. Шишкина, Х. Чжанг // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2015. № 2. С. 91–102.
14. Бондаренко А.В. Конституционная жалоба на нарушение основных прав законами до применения их в деле в системе конституционного контроля Республики Корея / А.В. Бондаренко / А. В. Бондаренко // Конституция Российской Федерации – 20 лет: итоги и перспективы: Восьмые конституционные чтения: материалы науч. – практ. конф. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2014. С. 28–32.
15. Джи К.Б. Конституционное правосудие и защита прав меньшинств в Республике Корея / К.Б. Джи // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4. С. 10–18.
16. С 31 октября по 2 ноября 2011 года проходит визит делегации Конституционного Суда Республики Корея в Санкт-Петербург // Официальный сайт Конституционного Суда России. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=2972> (дата обращения: 12.09.2016 г.).
17. Бондаренко А.В. Конституционная жалоба в системе конституционного контроля Республики Корея // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2013. № 2. С. 118–128.
18. Official Site of Constitutional Court of Korea. URL: <http://english.court.go.kr/cckhome/eng/jurisdiction/jurisdiction/const-Complaint.do> (дата обращения 09.10.2016 г.).
19. Штефан Е. Конституционный Суд Южной Кореи вынесет свой вердикт по вопросу об импичменте 14 мая / Е. Штефан // Сеульский вестник. 2004. – URL: <http://vestnik.kr/policy/1382.rss> (дата обращения: 10.09.2016 г.).
20. КС республики Корея не поддержал резолюцию об импичменте президента Но Му Хена // Интернет-сайт «Национальная информационная группа «Newsinfo»». – URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2004-05-14/item/576768/> (дата обращения: 10.09.2016 г.).

21. Кирьянов О. В Южной Корее запретили левую политическую партию / О. Кирьянов // Рос. газ. 2014. 19 дек. – URL: <https://rg.ru/2014/12/19/korea-site.html> (дата обращения 09.10.2016 г.).
22. Корейские проститутки готовы защищать свои права в ООН // Информационное агентство «Дальневосточная Политика». – URL: <http://dp.media/news/obshchestvo-i-chelovek/koreyskie-prostitutki-gotovy-zashchishchat-svoi-prava-v-oon/> (дата обращения: 15.09.2016 г.).
23. Юрковский А.В. Республика Корея: некоторые особенности конституционного строительства политической системы / А.В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3. С. 27–30.
24. Бирюков П.Н. Полиция республики Корея: общие положения / П.Н. Бирюков // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11. С. 358–359.
25. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса и конституционный вопрос в Южной Корее / И.А. Толстокулаков // Изв. Восточн. Ин-та. 1999. № 5. С. 159–178.
26. Михалёва И.В. Современные тенденции правовых механизмов взаимодействия институтов Президента и Правительства в Республике Корея / И.В. Михалёва // Теория и практика общественного развития. 2003. № 1. С. 292–294.
27. Официальный сайт Управления Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности // URL: <http://www.unodc.org/gsh/> (дата обращения: 01.10.2016 г.).
28. Шурыгин Ф.Ф. Система противодействия коррупции в Республике Корея / Ф.Ф. Шурыгин // Юридическая мысль. 2012. № 5. С. 124–136.
29. Официальный сайт Международного секретариата (всеобщая коалиция против коррупции) // URL: <http://www.transparency.org/cpi2015> (дата обращения: 01.10.2016 г.).
30. Юрковский А.В. Борьба с терроризмом в России и Республике Корея: сравнительный анализ особенностей организации и деятельности сил специального назначения / А.В. Юрковский, А.В. Сараев, И.А. Кузьмин // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER TERRORISM. 2016. № 1. С. 50–56.
31. Липинский Д.А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран / Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина // Вопросы безопасности. 2015. № 3. С. 24–44.
32. Кан Д. Активизация интеграционных процессов на корейском полуострове / Д. Кан // Мировая политика. 2015. № 2. С. 99–111.

References (transliterated):

1. Boldyrev V.E. Politika SShA po rasprostraneniyu demokratii: primer Yuzhnoi Korei / V.E. Boldyrev // Rossiya i ATR. 2013. № 4. S. 73–79.
2. Chon E.Ts. Osobennosti politicheskikh partii Yuzhnoi Korei i ikh uchastie v gosudarstvennom upravlenii / E.Ts. Chon // Politicheskaya nauka. 2015. № 1. S. 73–78.
3. Andronova L.A. Liberalizatsiya politicheskogo rezhima v Yuzhnoi Koree: «Soglashenie elit» / L.A. Andronova // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2008. № 1. S. 5–8.
4. Koibaev B.G. Pravovye aspekty informatizatsii v Respublike Koreya / B.G. Koibaev, Z.T. Zoloeva // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2015. № 1. S. 96–100.
5. Savichev D.S. Ozhivlenie ekonomiki Respubliki Koreya, kak rezul'tat novogo kursa razvitiya strany / D.S. Savichev // Innovatsii i investitsii 2013. № 6. S. 114–116.
6. Denisov V.I. Yuzhnokoreiskaya politika v oblasti nauki i tekhniki. Nekotorye aspekty nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossii i Respubliki Koreya / V.I. Denisov // Vestnik MGIMO Universiteta. 2010. Vyp. 4. S. 24–25.
7. Nagornaya I.I. Van Yunai. Smertnaya kazn' i obshchestvo v Vostochnoi Azii – kak ponimat' i sravnivat' smertnyuyu kazn' v Kitae, Yaponii i Yuzhnoi Koree. WangY. The death penalty and society in East Asia – how to understand and compare the death penalty in China, Japan and South Korea / I.I. Nagornova // Hitotsubashi J. Of law and politics. – Tokyo, 2012. vol. 40, febr. P. 1–14 // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. Referativnyi zhurnal. 2013. № 1. S. 147–151.
8. Gavrilova Yu.A. Konkretizatsiya pravovykh norm i tolkovanie prava po ob'emu / Yu.A. Gavrilova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya. 2007. № 9. S. 40–48.
9. Official Site of Ministry of Government Legislation of Korea. URL: <http://world.moleg.go.kr> (data obrashcheniya: 16.09.2016 g.).
10. Aristov E.V. Gosudarstvo blagosostoyaniya v Yuzhnoi Koree / E.V. Aristov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11-2. S. 38–42.
11. Shishkina O.E. Printsip proporsional'nosti ogranicheniya prav i svobod v konstitutsiyakh i praktike konstitutsionnogo pravosudiya Rossii i Respubliki Koreya (na primere postanovlenii ob izbiratel'nykh pravakh grazhdan) / O.E. Shishkina, Kh. Chzhang // Aziatsko-tikhookeanskii region: Ekonomika, politika, pravo. 2015. № 2. S. 91–102.
12. Bondarenko A.V. Konstitutsionnaya zhaloba na narushenie osnovnykh prav zakonami do primeneniya ikh v dele v sisteme konstitutsionnogo kontrolya Respubliki Koreya / A.V. Bondarenko / A. V. Bondarenko // Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii – 20 let: itogi i perspektivy: Vos'mye konstitutsionnye chteniya : materialy nauch. – prakt. konf. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2014. S. 28–32.
13. Dzhi K.B. Konstitutsionnoe pravosudie i zashchita prav men'shinstv v Respublike Koreya / K.B. Dzhi // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. 2014. № 4. S. 10–18.
14. Bondarenko A.V. Konstitutsionnaya zhaloba v sisteme konstitutsionnogo kontrolya Respubliki Koreya // Aziatsko-tikhookeanskii region: Ekonomika, politika, pravo. 2013. № 2. S. 118–128.

15. Shtefan E. Konstitutsionnyi Sud Yuzhnoi Korei vyneset svoi verdikt po voprosu ob impichmente 14 maya / E. Shtefan // Seul'skii vestnik. 2004. – URL: <http://vestnik.kr/policy/1382.rss> (data obrashcheniya: 10.09.2016 g.).
16. Kir'yanov O. V Yuzhnoi Koree zapretili levuyu politicheskuyu partiyu / O. Kir'yanov // Ros. gaz. 2014. 19 dek. – URL: <https://rg.ru/2014/12/19/korea-site.html> (data obrashcheniya 09.10.2016 g.).
17. Yurkovskii A.V. Respublika Koreya: nekotorye osobennosti konstitutsionnogo stroitel'stva politicheskoi sistemy / A.V. Yurkovskii // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2004. № 3. S. 27–30.
18. Biryukov P.N. Politsiya respubliki Koreya: obshchie polozheniya / P.N. Biryukov // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. № 11. S. 358–359.
19. Tolstokulakov I.A. Razvitie demokraticeskogo protsessa i konstitutsionnyi vopros v Yuzhnoi Koree / I.A. Tolstokulakov // Izv. Vostochn. In-ta. 1999. № 5. S. 159–178.
20. Mikhaleva I.V. Sovremennye tendentsii pravovykh mekhanizmov vzaimodeistviya institutov Prezidenta i Pravitel'stva v Respublike Koreya / I.V. Mikhaleva // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2003. № 1. S. 292–294.
21. Shurygin F.F. Sistema protivodeistviya korruptsii v Respublike Koreya / F.F. Shurygin // Yuridicheskaya mysl'. 2012. № 5. S. 124–136.
22. Yurkovskii A.V. Bor'ba s terrorizmom v Rossii i Respublike Koreya: sravnitel'nyi analiz osobennosti organizatsii i deyatel'nosti sil spetsial'nogo naznacheniya / A.V. Yurkovskii, A.V. Saraev, I.A. Kuz'min // Protivodeistvie terrorizmu. Problemy XXI veka – COUNTER TERRORISM. 2016. № 1. S. 50–56.
23. Lipinskii D.A. Obshchestvennaya opasnost' pravonarusheniya v nauchnykh i zakonodatel'nykh opredeleniyakh Rossii i zarubezhnykh stran / D.A. Lipinskii, A.A. Musatkina // Voprosy bezopasnosti. 2015. № 3. С. 24-44.
24. Kan D. Aktivizatsiya integratsionnykh protsessov na koreiskom poluostrove / D. Kan // Mirovaya politika. 2015. № 2. С. 99-111.